

Molot. Molot (Saint Petersburg, Russia : 1905)

Call Number: 2006 Folio S48

Creator: Andruson, L. I. Bashkin, V. V. Biatkin, G. A. Chapygin, Aleksei, 1870-1937. Chernyi, Sasha. Chiumina, O. N. De-Paldo, A. N. Dikson, K. I. Gerardov, N. N. Guseva, G. A. Skitalets, 1869-1941. Sologub, Fyodor, 1863-1927. TSenzor, Dmitrii. Vasilevskii, L. M

Date: 1905-1906

Publisher: K.I. Dikson

Subjects: Russian wit and humor.
Political satire, Russian.
Caricatures and cartoons.
Periodicals --Russia --Saint Petersburg
Russia --History --Revolution, 1905-1907

Genres: Illustrations
Drawings
Political cartoons

Physical Description: 8 p.
col. ill.
37 cm.

Volume/Enumeration: no.2(1906:ianv.8)

Rights: More about permissions and copyright

We welcome any additional information you might have. If you know more about an image on our website or if you are the copyright owner and believe we have not properly attributed your work, please contact us.

Exhibition Note: Russian Graphic Art and the Revolution of 1905

Collection: General Collection, Beinecke Rare Book and Manuscript Library, Yale University

Source Digital image/tiff

Format:

[A record for this resource appears in Orbis, the Yale University catalog](#)

[Beinecke Library Permissions and Copyright notice](#)

[Click here to begin looking at the images!](#)

МОЛОТЪ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
художеств.-литературный
и
сатирический
ЖУРНАЛЪ.

№ 2.

Цѣна 5 к.

8-го Января.

1906.

p. [1]

* * *

Вы видѣли-ль на площади широкой,
На главной площади кровавое пятно?
И снѣгомъ, и пескомъ засыпано оно,
Но просочилось вновь... и молить одиноко
У толпущихъ его людей..
О чемъ, о чемъ?..
Одно спокойствіе холодное кругомъ..
Неясный благовѣстъ несетъ издалика
И праздная толпа идетъ своимъ путемъ.

* * *

Засыпанная кровь, застывшая давно,
О, если бѣ это былъ лишь сонъ души
Тревожной
И если бѣ въ памяти и въ сердцѣ было
можно
Стереть застывшее кровавое пятно...

Г. Галина.

ГОДОВЩИНА.

9 января.

Ясная ночь! голубое небо, бѣлыя звѣзды.
Въ блѣсоватомъ морозномъ одѣяніи въ
мое окно она, улыбаясь, смотритъ.

Пусть остается раскрытой теплая по-
стель—я ухожу... я безъ сожалѣнія огля-
дываюсь въ глубину комнаты, свѣтъ лампы
умираетъ, а властная, яркая ночь смѣло
опрокинула блѣое отраженіе моего окна
на темный полъ.

Хорошо идти впередъ, когда знакомыя
улицы въ прозрачномъ туманѣ; онѣ мягко
заглядываютъ тебѣ въ глаза тысячею
огней, какъ влюбленные женщины счаст-
ливому человѣку.

Надъ бѣлыми крышами домовъ въ голу-
бомъ пространствѣ блещутъ крупныя
звѣзды, золотые кресты церквей,—огнен-
ныя окна куполовъ.

Мои друзья нѣли о свободѣ, но я гру-
стно качалъ головой въ тактъ цѣни...

И вышелъ отъ нихъ—вижу въ глухомъ
переулкѣ сѣрую стѣну съ узкими окнами,
запертыя тяжелымъ засовомъ ворота, у
воротъ образъ связаннаго Бога—лице Его
въ тѣни... я радъ, что не вижу лица—
мнѣ больно чувствовать на полузакрытыхъ
глазахъ его, сияющія не человѣческія
слезы...

И вижу кровавый отблескъ негасимой
лампадки, онъ длиннымъ штрихомъ лежитъ
на штыкѣ солдата.

Мнѣ кажется, что это не блескъ лам-
падки, это свѣтитъ братская кровь у под-
ножія печальнаго образа и льется она не-
прерывной, безшумной струей, смѣшиваясь
со слезами поникшаго Бога не вызывая
ни мысли, ни страха на сѣромъ лицѣ пе-
реряженнаго въ шинель мужика, испор-
ченнаго казармой и городомъ.

Ночь улыбается! ея улыбка кажется
мнѣ, но злобы равнодушной... я не забылъ...
и кто забудетъ?—она могла бы также
улыбаться, когда изъ длинныхъ стволовъ
вылетѣлъ огонь и недобитые люди, бро-
шенные одинъ на другого стонали въ под-
валахъ прилипшіе кровью другъ къ другу,
промооченные общими слезами.

Развѣ не она была тогда эта равно-
душная ночь? только черная—мохнатая
тучами.

Она квадратными, холодными глазами
заглядывала въ окна подваловъ и покой-
ническихъ.

Также улыбалась она, только незаметно...
не серебро сверкало на ней, а сѣрая пред-
разсвѣтная мантия, когда казенныя качки,
нагруженные мертвецами, съ молчаливыми
сторожами на козлахъ тащились на клад-
бище—трусливые, жестокие воры украли у
людей жизнь... трупы, а у мертвецовъ са-
ванъ и надгробную молитву!.

Видѣ она же эта ночь заглядывала въ
окна казармы, гдѣ спали тупые жестокие
солдаты, просившіе начальниковъ пустить
ихъ въ штыки на безоружную толпу.

Она спокойно шевелила хмурыми бро-
вями-тучами, видя на снѣгу обрубленную,
окопеченную кисть руки со сломаннымъ
древкомъ хоругви.

Она глядѣла въ ионючую камеру уча-
стка, гдѣ, обсыхая отъ человѣческой крови,
стояли прострѣленные иконы.

Она видѣла церковь—оттуда не тѣснилъ
блескъ свѣчей и позолоты, она глотала ко-
локольный звонъ, когда стриженная орава
новобранцевъ цѣловала крестъ и внимала
словамъ пастыря, одѣтаго въ парчевую
ризу и съ амвона благословляющаго—бить
толпу....

На улицахъ, такъ недавно залитыхъ
кровью безоружнаго, голоднаго народа, я
вспомнилъ ту ночь, и блѣсоватый мороз-
ный туманъ въ моихъ глазахъ превра-
тился въ красный; въ немъ мелькнули до-
рогія лица моихъ друзей, близкихъ и по-
чуялъ я около всѣхъ нѣсть вѣчный, неа-
сытный призракъ смерти...

На мои глаза выступили слезы, тѣ, что
переходятъ въ дикій хохотъ, сжимаютъ
сердце и сжимаютъ крѣпко вооруженную
руку.... сквозь мои слезы на голубомъ небѣ
запрыгала луна и маѣ хотѣлось сорвать ее
улыбку равнодушной ночи, опрокинутъ
сѣрое зданіе съ узкими окнами, чтобъ гро-
хотъ его паденія слышалъ далекое небо и
трусливые, жестокие люди.

Пусть-бы связанный Богъ лежалъ подъ
грудой развалинъ выплакать всѣ свои
слезы—пусть не видѣлъ бы Его проникно-
венный свѣтлый взглядъ тѣхъ тварей,
души которыхъ въ своемъ невѣжествѣ
холодный стѣнъ упавшихъ на Него—тѣхъ,
что въ бессмысленной молитвѣ мотаютъ
на своей груди рукой, забрызганной кровью
брата...

А. Чалыгинъ.

Задымились безграничныя дали,
Загорѣлся кровавый костеръ...
Надъ землей духъ тоски и печали
Неподвижныя крылья простеръ.
Воздухъ кровью убитыхъ оравленъ,
Кровью дѣвственный снѣгъ обогрѣнъ,
Много сильныхъ, чей мечъ не заржавленъ,
Погибаютъ во славу знаменъ.
Ослѣпленные, темные братья,
Обезумѣвъ, идутъ убивать,
Изнаиваетъ отъ слезъ и проклятій
Терпѣливая родина-мать.
Душить горечь несмытой обиды,
И предательство жалкихъ рабовъ,

И медлительный ходъ Немезиды,
И живучесть прогнившихъ оковъ.
Но разгонитъ творящее пламя
Блѣдный ужасъ насилья и тьмы
И взойдется свободное знамя
На обломкахъ тюрмы!

Л. М. Василевскій.

Ихъ разстрѣляли.

Ихъ разстрѣляли...

Утро морозное было.

Солнце, не зная, безпечно всходило,
Тихо смѣялись прозрачныя дали..
Снѣгъ былъ такой серебристый и чистый!
Часъ былъ такой молодой и лучистый!

Ихъ разстрѣляли...

Изматой, безсильной толпою

Сомкнулись они на снѣгу.

Пылаютъ ихъ очи тоскою

И скорбной любовью къ врагу.

Зловѣще-безмолвны солдаты,

И слышать: ихъ молятъ, зовутъ...

Но въ душахъ не смолкли раскаты
Безумныхъ и близкихъ минутъ...

И слышать, и слышать: «О, братья!

Мы гибнемъ за волю и свѣтъ!»...

Но глухо сорвались проклятья,

И грянули залпы въ отвѣтъ...

А солнце не знало! Солнце всходило!

Тихо смѣялись лучистыя дали,

Утро такое безпечно было...

Ихъ разстрѣляли.

Дмитрій Цензоръ.

Вѣчная память погибшимъ со славою

Войнамъ общаго дѣла...

Слава тому, кто на подвигъ кровавый

Вышелъ отважно и смѣло!

Черная полночь скрываетъ измѣну...

Трусъ врагу предаются...

Братья! Когда мы погибнемъ, на снѣгу

Новыя силы найдутся.

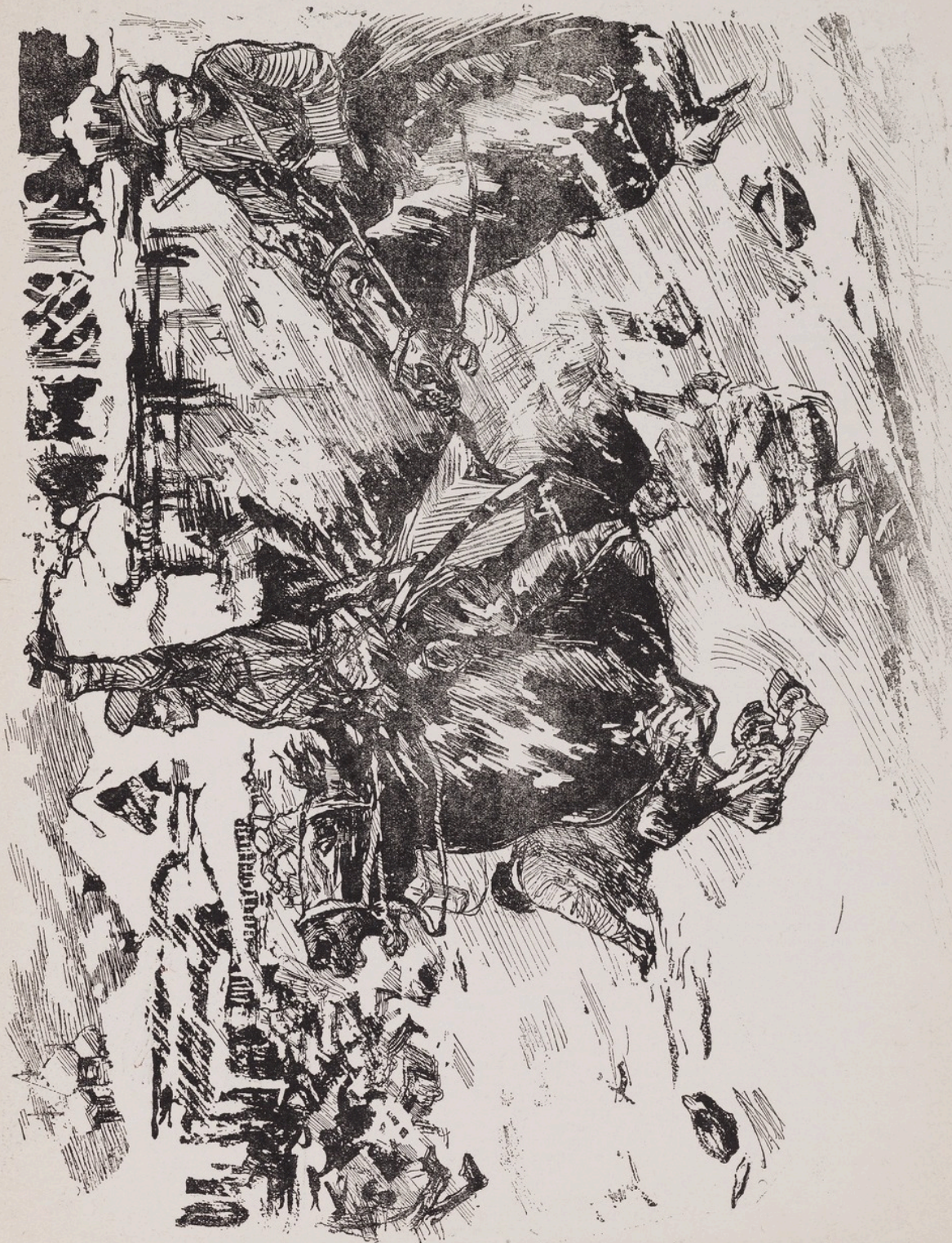
Съ бодрымъ завитомъ «свобода и право»

Счастье идетъ къ угнетеннымъ.

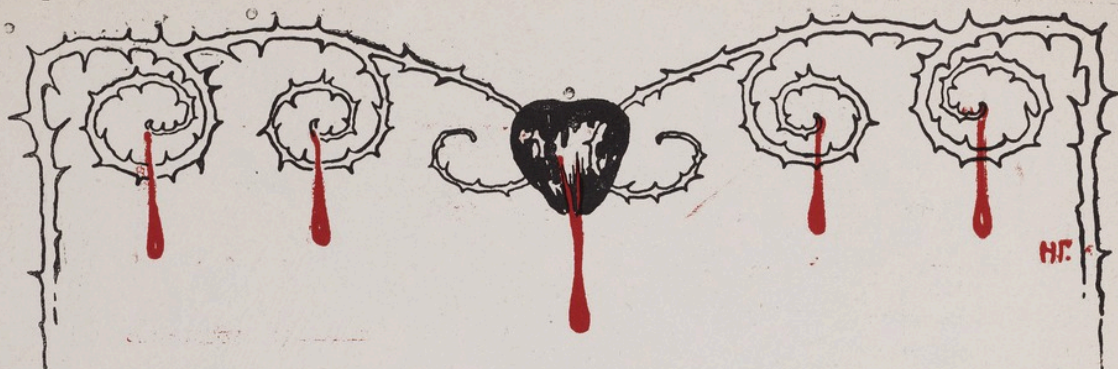
Войнамъ смѣлымъ—побѣда и слава!

Вѣчная память сраженнымъ!

В. Башкинъ.

Лихое дѣло.

Местъ крови.

Надъ родиною моею удушливый кошмаръ,
Кошмаръ насилія жестокий и лукавый.
Повсюду стояъ и плачъ, повсюду чадъ
крававый,

И пьяная вражда, и гибель и пожаръ.
Средь тлѣющихъ руинъ чернѣютъ груди
тѣлъ,
Голодный моръ ползетъ и дышетъ пастью
смердной.

О, кто тебя судилъ и проклялъ безпощадно,
Страна отверженныхъ, страна безумныхъ
дѣлъ!

Я умереть хочу красиво, какъ герой,
Грудницамъ днямъ зажечь маякъ борьбы
суровой.

Но вижу дымъ костровъ и птицъ могиль-
ныхъ рой,
И алчный эшафотъ пророкамъ жизни новой.

Я къ истинѣ иду, — но мой кремнистый
путь,
Зловѣще сторожатъ предательскія очи.

И прячутся они подъ кровъ безумной ночи,
Въ лицо грядущему не смѣя заглянуть.
Святые мертвецы осквернены толпой,
За свѣтлую менту, и гордыя страданья...

О, темная толпа, о богатырь сѣдой!
Поймешь ли ты позоръ свершеннаго дѣ-
янья?

И ты, — убійца — ночь, ты, жадная, взяла
Великія сердца, ихъ мощь и вдохновенья...
Такъ будь же проклята, рабыня Тьмы и
Зла,

За юность павшую, за жертвы искуплены!
Позорно трепещи подъ пламенной грозой
И скрой отъ жизни ликъ предательскій и
черный!

Уже вдали потопъ крававый и упорный
Растетъ и близится багряной полосой...
Встаютъ громады волнъ и ропщутъ... Вновь
и вновь...

Крававые смерчи бушуютъ на просторѣ...
О, страшно отомстить разгнѣванное море!
О, страшно отомстить поруганная кровь...

Дмитрій Цензоръ.

Знамя.

Снилось мнѣ, что я раненъ въ жестокомъ
бою;

Что, измученный раной моею,
Тихо палъ я... и выронилъ знамя изъ рукъ,
Оросилъ его кровью своею...

И спасла ты его, — о мой любящій другъ, —
Высоко надъ толпой подняла
И пошла съ нимъ впередъ... и упала,
какъ я...

Знамя кровью своею облила...

И товарища вмѣстѣ подхватили его,
И мятеежно — кипящей толпой
Снова ринулись съ нимъ, дорогимъ и род-
нымъ,
Въ безпощадный и тягостный бой...

Долго-долго еще развѣвалось оно,
То вздымаясь, то падая вновь,
И горѣла на немъ рядомъ съ кровью моею
И твоя неостывшая кровь...

Г. Вяткинъ.

Лишнія веревочки.

(Сказочка).

У одного мальчика мама была стро-
гая, и папа былъ строгій. Какъ папа или
мама увидятъ своего мальчика, такъ сей-
часъ и закричатъ на него:

— Не шали! Какъ ты смѣешь шалить,
скверный мальчишка! Тишина и порядокъ
нарушаешь.

Ну, а мальчикъ, извѣстно, ребячьимъ
дѣломъ, безъ шалостей не могъ прожить.
Онъ бы и радъ не огорчать папашу и
мамашу, да никакъ не могъ удержаться:
нѣтъ-нѣтъ да и напалитъ.

Вотъ однажды папа съ мамой и ска-
зали:

— Слова на тебя не дѣйствуютъ, такъ
мы перейдемъ къ дѣлу. Мы тебя скру-
тимъ, — ты у насъ позабудешь, какъ шалить.

Хорошо, — сказано, сдѣлано. Связали
мальчику руки веревочкой такъ, чтобы
добрыя слова писать онъ могъ, а на
дерзкія слова чтобы у него не было раз-
маха; поноски для папашы съ мамашей
носить можно, а въ барабанъ бить нельзя.
Связали ему ноги, — ходить тихохонько
можно, а ужъ побѣжать, — нѣтъ, братъ,
шалить, не побѣжишь. На лицо надѣли
хорошенькій намордничекъ, — манную каш-
ку кушать можно, а кусаться и думать
не мочи. Къ спинѣ привязали палку, что-
бы мальчикъ прямо держался, по формѣ.
Ну, такъ скрутили мальчика, что просто
бѣда. Не можетъ мальчикъ и шага лиш-
няго сдѣлать. И сталъ мальчикъ скром-
ный, какъ хотѣлось папѣ и мамѣ. И сталъ
мальчикъ скучный, все плакалъ потихонь-
ку. А папа съ мамой говорили:

— Плачь, плачь, — видишь, какъ не-
хорошо шалить. Мы тебѣ раньше довѣ-
ряли, а теперь ужъ ты потерялъ право
на довѣріе. Самъ на себя пеняй.

Бродить тихонечко мальчикъ, а сосед-
скіе ребята надъ нимъ смѣются. А у маль-
чика папа съ мамой были строгіе, но
глупые. Они сначала радовались, что со-
сѣди надъ мальчикомъ смѣются. И сами
мальчика стыдили:

— Видишь, — говорятъ, — всѣ надъ то-
бой смѣются.

Только одинъ разъ, когда они спали,
кто-то разбилъ имъ стекло въ окнѣ. Бро-
сили съ улицы камень, а на камнѣ бу-
мажка привязана, а на бумажкѣ написано
очень крупными буквами: «Это вамъ за
то, что вашего мальчика обижаютъ?»

Папа съ мамой прочитали бумажку по-
складать, шибко разсердились, своего маль-
чика наказали, городскому пожаловались, —
только городской ничего не могъ сдѣлать.
Окрутили папа и мама мальчика еще по-
выми веревочками, — даже и тамъ второй
разъ связали, гдѣ уже и раньше было
связано, и легли спать, — сами побили, а
мальчикъ безъ ужина, по привязанный къ
своей кровати, для спокойствія и безо-
пасности, и чтобы на стѣну не полѣзъ.

Только имъ въ эту ночь и второе
стекло камнемъ высадили, и на камнѣ
опять бумажка была, а на бумажкѣ напи-
сано: «И всѣ стекла высадимъ, если маль-
чика обижать станете».

Тогда папа съ мамой струсили, пошли
ко всѣмъ сосѣдямъ, и всѣхъ обьявили:
— Мы съ нашего мальчика лишнія
веревочки снимаемъ.

Сняли съ мальчика половину веревоч-
чекъ, — тѣ, что лишнія были навязаны, —
и легли опять спокойно, — колпаки надѣли
и спать, думаютъ, — никто ихъ не тронетъ.

Федоръ Сологубъ.

Баррикада, взята.

Исторія одного рубля.

Я был изъятъ изъ обращенія. Во мнѣ оказалось мало серебра, за которое можно продать Христа, и слишкомъ много свинца, изъ котораго лютуютъ пули. Я призналъ не настоящимъ, немнѣющимъ, неимѣющимъ права вращаться среди людей. Сознавшись что все мое существо возмущается противъ такой несправедливости. Вѣдь если монета является средствомъ платежа, то сколько есть людей, заслужившихъ плату свинцовою монетой. Но серебро звучитъ вкрадчиво и лѣтливо, тогда какъ въ звонѣ свинца есть грозныя, пугающія ноты. А вѣдь всѣ, власть имущіе, очень пугливы: они готовы душу отдать за серебро и терпѣть не могутъ свинца. Впрочемъ, это не удивительно: мнѣнимъ изъ нихъ свинецъ причинилъ крупныя непріятности, такъ какъ они слишкомъ любятъ серебро. Они даже создали особый департаментъ, задача котораго — охранять ихъ отъ свинца и удалять свинецъ изъ общества людей. Въ руки одного изъ агентовъ этого департамента я и попалъ, благодаря весьма солидному господину, называвшему себя безсеребренникомъ и, потому, дѣлательно разыскивавшему свинцовые рубли. Агентъ внимательно осматривалъ меня со всѣхъ сторонъ, потеръ пальцемъ, полизалъ языкомъ, но, такъ какъ вѣрность моя такъ же корретна, какъ и вѣрность полновѣсныхъ серебряныхъ рублей, то осмотръ не далъ ему никакихъ данныхъ обвинять меня въ участіи въ тайномъ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ испровергнуть существующую монетную систему. Тогда онъ вынулъ изъ кармана истинный русскій рубль, еще недавно вышедшій изъ монетнаго двора, и сказалъ: «посмотримъ». Онъ съ силой бросилъ этотъ рубль на верхнюю доску стола, за которымъ сидѣлъ, и раздались чистый, лѣтливый и противный звонъ серебра. Мнѣ даже показалось что въ этомъ

звонѣ явственно звучала мелодія устарѣвшей русской пѣсни «Громъ победы раздавайся». Затѣмъ, той-же операціи подвергся и я. Звукъ, изданный мною при этомъ, былъ совершенно непохожъ на звонъ серебра. «Ага, попался, голубчикъ», злорадно сказалъ агентъ и снова стукнулъ меня о столъ. Такая безцеремонность вызвала съ моей стороны, конечно, протестъ, и я крикнулъ ему: «долгой самоуправство!». «Убрать его: онъ подрывалъ неизбѣжныя, коренныя и самобытныя основы Россіи», пробурчалъ агентъ, и меня бросили въ какой то темный ящикъ.

Когда я нѣсколько освоился съ новымъ положеніемъ, я увидѣлъ себя въ обществѣ старыхъ товарищей и знакомыхъ — свинцовыхъ рублей. Жизнь разделила насъ, но здѣсь мы встрѣтились снова. Ящикъ, въ которомъ мы лежали, былъ длинный, узкій и высокій. Въ немъ было холодно и темно. Свѣтъ проникалъ только сквозь замочную скважину. Долго лежали мы въ немъ, и намъ уже начинало казаться, что о насъ забыли. Но это было не такъ.

Въ одно прекрасное утро мы были представлены на экспертизу комиссіи, которая должна была снова осматрѣть насъ и рѣшить, что съ нами дѣлать. Осмотръ дѣлалъ мало: вѣдь это пустая формальность, которая дѣлается для успокоенія общественнаго мнѣнія. Насъ приговорили къ отсылкѣ на оружейный заводъ съ предоставленіемъ начальнику его употребить всѣ мѣры, чтобы сдѣлать насъ полезными государству. Начальникъ рѣшилъ перелить насъ въ солдатскія пули, и черезъ нѣсколько времени мы, совершенно преобразившись, лежали въ солдатскихъ патронташахъ.

Помню, какъ солдатъ, къ которому я попалъ, часто говорилъ: «эхъ, кабы воли; житія не стало отъ всѣхъ этихъ мерзавцевъ, что кровь нашу пьютъ».

Помню также, какъ однажды въ казармѣ раздалась тревога и началась бѣготня. Солдаты хватили ружья, выходили на дворъ и строились въ ряды. Помню, что въ это время среди нихъ царилъ какое-то мрачное молчаніе. Пришли офицеры, и полкъ быстро пошелъ куда-то. На улицѣ былъ шумъ, и солдатъ встрѣчали свистками. Издали доносилось грозное торжественное пѣніе и могучее дыханіе громадной толпы, шедшей на встрѣчу солдатамъ. Полкъ остановился, чей-то грубый и властный голосъ рѣзко отдавалъ приказанія за рядами. А толпа все подвигалась ближе и громко звучала могучая пѣсня освобожденія и протеста.

«Полкъ... пли!»

Въ это время произошло нѣчто неожиданное. Я почувствовалъ, какъ дуло ружья въ которомъ я находился, описало полукругъ. Сзади меня раздался короткий сухой щелчокъ, и что-то съ бѣшеной силой толкнуло меня впередъ.

На секунду передо мною мелькнулъ яркій свѣтъ — золотая пуговица съ орломъ, какая-то полосатая ленточка, орденъ, — и я возился во что-то мягкое, теплое и влажное...

Затѣмъ наступила тьма, и только смутно я слышалъ, какъ громче и торжественнѣе звучала ликующая пѣсня освобожденія.

Тѣло въ которое я возился, подняли и понесли въ больницу. Здѣсь было произведено вскрытіе, и меня освободили изъ сердца, въ которомъ я застрялъ...

Съ тѣхъ поръ прошло немного времени. Теперь я нахожусь въ силѣ, изъ котораго вылита статуя свободы, украшающая обширную площадь передъ зданіемъ парламента. Отсюда мнѣ видно, какъ по утрамъ въ это зданіе собираются депутаты, для обсужденія

МИНЦЪ-БРИНЦЪ-ДРИНЦЪ.

Военный обязанъ любить славу. Слава его призваніе. Карьера его хорошо для «шпаковъ». Карьера также — для «полотеровъ». Настоящій бурбонъ жаждетъ славы. Онъ во всякое время готовъ на подвигъ. Для подвига онъ рожденъ. Спасти отечество и прославиться! Ни больше, ни меньше. Такъ мечтаетъ онъ еще съ «живоготскихъ» юнкерскихъ временъ.

Вотъ онъ пажъ. Первый разъ бритва сбрѣзала молодой пушечкѣ. Губы стали синими. Первый разъ онъ также внесъ въ свой бюджетъ расходы на любовь... и расходы на тѣненіе. Скоро, наступитъ желанный мигъ и украсится его задніе карманы золотыми галунами. И, о восторгъ! О, мигъ желанный! Онъ надѣваетъ шпагу а на каждомъ шагу въ гостинныхъ, и на улицѣ, въ корридорѣ корнуса, и въ мѣстахъ любви станутъ звенѣть эти блестящія красавицы, предметъ гордости и первый залогъ подвиготъ — шпоры.

Минцъ-бринцъ-дринцъ!

Довольно учиться! Науки къ черту! Наступаетъ другой мигъ желанный: дѣло идетъ къ выпуску. Онъ выйдетъ въ офицеры. Денщикъ, рота, команда, въ зубы! «Смирррно!» Это уже звучитъ гордо. Подвигъ близится. Только одно слово — «Взводъ пли!», и сколько падаетъ враговъ отечества! А потомъ: «Впередъ, за мной ребята, урра!» И размахивая шашкой (какъ жаль, что обмѣняли звонкую и блестящую саблю) на брутство, на стѣну, въ крѣпость! Герой! «Молодчина», говорятъ товарищи! «Поздравляю васъ георгиевскимъ кавалеромъ», говоритъ закаленный въ бояхъ начальникъ.

Однако, увы, это только въ мечтахъ. Покаместъ — скука казарменныхъ учений, на которыя онъ ежедневно опаздываетъ часа на два, да и ходить-то только такъ, потому что унтеръ-офицеръ, пожалуй, тверже въ уставахъ и въ ружейныхъ приемахъ. Покаместъ — танцевальные вечера въ скучныхъ и чопорныхъ, такъ называемыхъ, «свѣтскихъ» домахъ! Нелѣзное и дикое пьянство въ казармахъ.

И такъ изъ года въ годъ, однообразно скучно... до отупѣнія. Подвиготъ никакихъ.

Правда, есть и просвѣтъ. Вдругъ сдѣлають адъютантомъ! Сначала батальоннымъ, а послѣ, чего добраго, и полковымъ. Тутъ, конечно, дѣло другое. На конѣ, лихо, шашку водъ высь, несетъ адъютантъ передъ фронтомъ. И снова, снова краса изъ красоты, любезныя съ камернажескихъ временъ блестящія шпоры! И въ гостинныхъ, и въ казармѣ, и въ ресторанахъ, и въ мѣстахъ любви, о радости! —

Минцъ-бринцъ-дринцъ!

Потомъ? Сквиерное было время для военныхъ при Александрѣ Миротворцѣ. Сколько представлялось случаевъ прочитѣ болгаръ, «братушекъ», ринуться на нѣмца, особенно, когда наши друзья неистово кричали: *Dazdrast Rossiâ (pour embêter les prussiens)* Но что дѣлать?! Видно такъ лучше! Не приказываютъ! Жалкій миръ. Каждый годъ «весна, ребята, настаетъ» и гдѣ-то тамъ «трепещетъ врагъ лукавый», но, уны, «князь великій, насъ не поведетъ, искать побѣды, славы».

Только и было все это время, полковымъ

важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни.

Въ годовщину дня, когда я выставѣлъ изъ дула ружья, площадь заполняется ликующій свободный народъ; съ пѣніемъ и красными флагами онъ приближается къ статуѣ свободы, и на пьедесталъ ея сыплются цвѣты, цвѣты, цвѣты.

А изъ крѣпости гремѣть торжественный салютъ въ честь свободы, и грохотъ выстрѣловъ слышится съ звуками новаго народнаго гимна...

В. Михайловичъ.

Два пути.

(Редакторское раздумье).

На распутиѣ двухъ дорогъ
Онъ стоялъ, дрожалъ и дрогъ.
— Не печатать «манифестъ» —
Надо мной поставить крестъ
Пролетарій здѣшнихъ мѣстъ,
Напечатать, и ахъ —
Окажусь я самъ въ «крестахъ».

Бой-Ночь.

Научная хроника.

Новѣйшія изобрѣтенія.

Въ настоящее время въ области химіи произведенъ цѣлый рядъ блестящихъ открытій. Не такъ давно, наиримѣръ, открыта была цѣлая группа новыхъ элементовъ — такъ называемыхъ *генералиновъ*.

Характерный признакъ этихъ элементовъ — жадно поглощаютъ золото и серебро и имѣютъ большое сродство съ *грабиномъ*. Опыты введенія въ соединеніе этой группы элементовъ съ группой *мужиководовъ* дали блестящіе результаты пока относительно одного изъ генералиновъ — *сахарина*. Соединеніе его съ мужиководами сопровождалось образованіемъ *поркина* и выдѣленіемъ *кровинки*; при этомъ произошла сильная реакція, и сахаринъ улетучился — подѣ дѣйствию на него элемента *браунингилія*. Опыты съ остальными генералинами еще не закончены и результаты пока неизвѣстны. Открытъ также новый элементъ — *дурновоніумъ*; отличается тѣми же признаками, какъ и группа генералиновъ, но въ болѣе сильной степени. Дѣйствуетъ почти на всѣ тѣла разрушающе. Открытъ, между прочимъ, въ гниломъ овсѣ, поставленномъ въ интендант-

ство. Химики считаютъ его весьма вреднымъ для здоровья и даже опаснымъ для жизни.

Элементъ *дубасиніумъ* — найдемъ въ соединеніи съ *наглинѣмъ* и *глутиномъ*. Его открытіе привело къ другому цѣнному открытію. Оказалось, что отвергнутая всѣми химиками гипотеза о существованіи такъ называемаго «химическаго абсолютизма» нашла себѣ подтвержденіе въ одномъ изъ опытовъ съ дубасиніумомъ. То же самое подтверждается послѣдними опытами съ такими элементами, какъ *виттеніумъ*, *треповоніумъ* и *игнатиніумъ* соавѣство съ группой элементовъ такъ называемыхъ *патріотиновъ* или *черносотодовъ*, которые стали проявлять сильную реакцію, напоминаящую дѣйствіе элемента *плевина*.

Мико.

Арія редактора.

(Передъ судебнымъ разбирательствомъ. Оп. 129)

Куда, куда вы удалились,
Товарищи моей весны?
Одни — въ тюрьму переселились,
Другими — деньги внесены.

Что судъ грядущій намъ готовить?
Его мой взоръ напрасно довить.
Въ судебной мглѣ таетъ онъ.
Нѣтъ нужды: правъ или нѣтъ законъ?
Сраженъ ли я — подѣ стражу взятый,
Въ тюрьмѣ влачащій житіе —
Статьею сто двадцать девятой,
Изъ гибну по иной статьѣ —
Отсюда изъ «прята вѣги»
Мнѣ путь одинъ — въ свѣта Пенегі.

Завтра купать двѣ століцы
Лишь «Время Новое» и «День».
А я съ газетой — я темницы
Сойду въ таинственную сѣнь,
И судопроизводства Лета
Поглотитъ насъ съ тобой, газета,
И опечатаютъ листы...
Читатель мой, придишь ли ты
На свѣтлѣ холмѣ литературный —
Сказать: вниманій въ массѣ дѣлѣ
Изъ за меня въ тюрьмѣ сидѣлъ
Онъ на разсвѣтъ *) жизни бурной.
Читатель мой, въ такіе дни
Добромъ Кобеку помини!

Бой-Ночь.

*) Можно и на закатѣ.

Словесность.

(Съ натуры).

Званіе солдата почетно.
(Войскій уставъ).

«Всякъ солдатъ слуга Престола»
«И защитникъ стѣ враговъ»...
«Повтори! Молчишь, фѣфѣла?»
«Не упоминай восемь словъ?»
«Ну къ отсхому дневальнымъ»
«Послѣ ужина въ парадѣ»...
Махнѣ тономъ погребальнымъ
Отвѣчае: «виноваты!»
«Ну-ка, кто у насъ бригадный?»
Дальше утерѣ говорить —
И какъ ястребъ кровавадный
Все глазами шевелить...
«Что-молчишь? Собачья морда,
«Простокваша, идиотъ»...
«Ну такъ помни, помни-жъ твердо!»
И рукою въ ухо бьетъ
Что-же Махнѣ? Слезы льются,
Тихо тинетъ: «виноваты»...
Весь дрожитъ, колѣни гнутся
И предательски дрожатъ.
«Всѣхъ солдатъ почетно званіе,
«Постъ-ли... знамя... караулъ»...
«Махнѣ, чучело баранье,
«Что ты ноги развернуть?»
«Ноги виѣтъ, морду выше!»
«Повтори собачій сынъ»...
Тотъ въ отвѣтъ все тише, тише
Жалко шепчетъ: «господи!»...
«Ахъ, мерзавецъ! Ахъ, скотина!»
Въ ухо, въ зубы... разъ и разъ...
Эта гнусная картина
Обрываетъ мой рассказъ...

А. Гл — гъ

Корреспонденція изъ Минска.

Нашъ губернаторъ, Курловъ, услаенно называя свои усы конгрэзомъ и, вставъ на ципочки, въ присутствіи полиціймейстера, сказалъ правителью своей канцеляріи:

«Слухъ о томъ, что меня увольняютъ и будутъ судить, былъ распушенъ лишь съ цѣлью усюконтъ вѣкторую часть общества. Но теперь эту часть общества рѣшено истребить. Я дѣйствовалъ согласно съ видами правительства и (говоритъ гордо) мѣю это дѣказать... Красныхъ рѣшено истребить».

Правитель обланулся. Полиціймейстеръ проглотилъ слювки, которыя, кромѣ того, обильно потекли.

S.

адъютантамъ, ротнымъ командирамъ, батальоннымъ командирамъ, одно утѣшеніе это милое —

Минцъ-бриньцъ-дринцъ.

Но вотъ наконецъ-то — война! Свершилось. Дрожи японцы! Вотъ-только подойду къ подрѣшенію! Ужъ зададимъ мы имъ баню. Ахъ, перейти бы хоть въ казаки, чертъ возьми! А тамъ чего добраго полчекъ можно схватить! Золотое оружіе, Владимиръ съ мечами, георгіевскій крестъ! Виѣ всякаго сомнѣнія. Что тамъ Ляонъ, Мукденъ, Цусима! Куропаткинъ! Вы чего зубы оскалили, шнаки! Меррррзавцы! Вотъ Мищенко имъ покажетъ. Не вѣрите? Предатели! Японскіе милліоны!

Онъ даже ходитъ съ отпущенной шашкой и готовъ зарубить на мѣстѣ каждого внутренняго врага. Собакъ собачья смерти! Знаете какъ въ Пруссіи? «Вы что такое, сказали? Разговаривать?!!» Разъ.. Никакихъ разговоровъ съ этой сволочью!

Мррр. Конечно, наканунѣ окончательной побѣды! Безобразіе. Позоръ. Все англичане! Гм., не мудрено! Чортъ знаетъ, что такое! Накккаунѣ побѣды!!! И грустно, какъ-то

конфузливо стало позвякивать на каждомъ шагу.

Минцъ-бриньцъ-дринцъ!

Но чу!! «Ваше вскобродіе! Имени вашего къ телефону просить!» «Алло! алло!» — А? Гдѣ? У Технологическаго?!! Распоряженіе генералъ губернатора. Что? Бомбы? Въ подвалы полны бомбъ? Меррррзавцы! Хорошо! Скажите, что сейчасъ сдѣлаю распоряженія.

Розданы боевые патроны... Въ ротахъ хлопчатъ фельдфебеля. «На внутренняго врага, ребята, пойдете! Слушать команду! Осмотрѣть ружья! Выходи изъ казармъ. Стройся!» «Смиррно!!! Господа офицеры!» «Здорово братцы!» «Здравья желаю ваше вскобродіе!»

Насталъ истинный желанный мигъ!

Вотъ, онъ подвигъ давно жданный. Вотъ она наконецъ побѣда, побѣда вѣрная, несомнѣнная! Вражеская сила будетъ раздавлена! Стрѣлать, не жалѣя патроновъ! Прямо въ окна! «У людей потерь, конечно, не было! Врагъ, сдався почти безъ сопротивленія. 73 безоружныхъ студента — полку пѣхоты и нѣсколькимъ эскадронамъ кавалеріи съ артиллеріей». Въ дома тогда изъ пущекъ еще не стрѣляли; это придетъ попозже.

Побѣда! Славная побѣда! Побѣда надъ Тарле. Всѣ пораженія, бывшія до сихъ поръ — на смарку. Что тамъ: Куропаткинъ, Леневицъ, Мищенко и Гринпенбергъ? Скоро эксельбанты! И не эдакие, а настоящіе... И гордо звучитъ теперь:

Минцъ-бриньцъ-дринцъ!

Да, наконецъ!.. Слава, настоящая слава!.. Спаситель отечества! Въ немъ вся надежда! Съ такимъ составомъ офицеровъ нечего бояться мятежа. Только пошли его. Veni, vidi, vici. Помните карьеру Наполеона? Совершенно — тоже самое. Слава, всероссійскаго героя! Чего добраго папиросы появятся, какъ во времена Скобелева, подъ названіемъ:

Минцъ-бриньцъ-дринцъ!

Да, чего тамъ? Поднимай выше. Какое тамъ — «минцъ-бриньцъ-дринцъ»? Это мы давно знаемъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ слышали. Теперь неудобно ли: — графъ Чесменскій! Виноватъ... графъ Прѣсенскій.

Жданскій.

ХРОНИКА.

20 декабря ночью въ заседание совѣта министровъ явился совершенно неизвѣстный мужчина, небольшого роста, преклоннаго возраста, одѣтый въ партикулярное платье и, захвативъ революціоннымъ путемъ одно изъ министерскихъ креселъ, прочно усялся на немъ. Принятыми тутъ же энергичными мѣрами къ выясненію личности обнаружилось, что неизвѣстный мужчина по фамилии Акимовъ, состоитъ чиновникомъ по министерству юстиціи, въ качествѣ министра названнаго учрежденія, въ виду чего, по точному смыслу существующихъ узаконеній, располагаетъ правомъ участія въ собраніяхъ на равныхъ съ прочими министрами основаніяхъ. Правомъ голоса названный Акимовъ на этомъ засѣданіи, по неизвѣстнымъ соображеніямъ, не воспользовался.

Цезурное вѣдомство напоминаетъ редактору «Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» что нынче установленъ явочный порядокъ для періодическихъ изданій и убедительно проситъ представить на имя градоначальника установленнаго образца заявленіе объ изданіи «И. С. Р. Д.» съ точнымъ указаніемъ редактора и типографіи, гдѣ «Извѣстія» будутъ печататься.

Графъ Игнатъевъ разослалъ всѣмъ членамъ комиссіи о свободѣ совѣта циркуляръ, коимъ всякая совѣсть временно откладывается, такъ какъ онъ, Игнатъевъ, занятъ усиленной охраной.

Графъ Витте отрывается отъ всего, что горюило раньше и убедительно проситъ не вѣрять тому, что будетъ говорить впредь.

Опытъ 17 апрѣля и 17 октября привелъ къ тому, что постановлено всѣ 17-ия числа мѣсяцевъ мѣнять первыми апрѣлемъ. Такимъ образомъ, къ девяти сѣмь пятницъ на одной недѣлѣ прибавится еще одна девизъ: 12 первыхъ апрѣля въ одинъ годъ.

Матешники проявляютъ большую склонность къ трезвости и строго преслѣдуютъ пьянство. Это очень тревожитъ наше финансовое вѣдомство. На совѣтѣ министровъ рѣшено было чрезъ духовенство принять духовныя мѣры, чрезъ военное вѣдомство — мѣры военныя и чрезъ внутреннее вѣдомство — мѣры наружно-внутреннія. Результаты отразились: премьеръ ежедневно получаетъ массу телеграммъ, извѣщающихъ, что «эпидемія... пьянства... сильно пьянство...» Особенно отрезвляюще дѣйствуетъ военное положеніе: оно быстро уничтожаетъ стачку противъ водки и пьянство водворяется настоящее.

Открыта подписка на новый еженедѣльный художественно-литературный и сатирический журналъ:

„МОЛОТЪ“

Подъ редакціей К. И. ДИКСОНА и Н. Н. ГЕРАРДОВА.

Въ журналѣ примутъ участіе слѣд. писатели: В. Агафоновъ, Л. Андреевъ, Е. Аничковъ, М. Арцбашевъ, кн. В. Барятинскій, А. Богдановичъ, О. Боткинъ, В. Брусилинъ, В. Быстринъ, И. Бунинъ, З. Бухарова, В. Башкинъ, Л. Висленскій, С. Гусевъ-Оренбургскій, В. Гордінъ, К. Горбуновъ, Н. Герардовъ, Г. Галина, К. Гренхатъ, К. Диксонъ, В. Ермиловъ, В. Жаботинскій, И. Жилинъ, П. Засодимскій, З. Зоръ (псевд.), В. Измайловъ, А. Каменскій, В. Кранихфельдъ, Н. Крамлевская, А. Купринъ, А. Лукьяновъ, Л. Львовъ, В. Муйжель, Мунштейнъ (Лоло), М. Невдомскій, А. де-Палью, Пессимистъ, В. Португаловъ, Н. Протогъ, И. Порошинъ, С. Протопоповъ, А. Рославель, И. Рукавишниковъ, О. Сологубъ, Скиталецъ, М. Славинскій, Танъ, Д. Философовъ, А. Хирьяковъ, Д. Цезоръ, О. Чижина (оптимистъ), В. Чеховъ, В. Шуко, С. Юшкевичъ, А. Охорочъ и др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 3 р. на 1/2 года — 2 р. Приемъ подписки и объявленій въ главную конторку журналовъ: С.-Петербургъ, Гончарная, 13, кв. 40 и въ книжномъ магазинѣ Нашей жизни (Невскій, 19). Изготовленіихъ просить обращаться въ главную контору. Адресъ редакцій: С.-Петербургъ, Петерб. сторона, Матвѣевская, 3 кв. 19. Приемъ по дѣламъ редакцій по воскресеньямъ и четвергамъ отъ 11 до 1 ч. дня и по пятницамъ отъ 7 до 8 ч. в. Рукописи, доставляемыя въ редакцію въ случаѣ надобности подлежатъ сокращенію и вымѣненію. Мелкія рукописи не возвращаются.

Нижегородское губернское земское собраніе попросило гр. Витте назначить вице-губернатора барона Фредерикса нижегородскимъ губернаторомъ. Графъ при чтеніи этой просьбы страшно засопѣлъ лѣвой и правой ноздрями. Баронъ, чтобы реабилитироваться, поспѣшилъ: закрыть соединенный клубъ, закрыть сормовскую потребительскую лавку, выстрѣлить изъ пушекъ въ вокзалъ и училище. По слухамъ, шансы барона, сильно упавшіе послѣ земскаго ходатайства, теперь опять поднялись.

Отъ С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства.

Среди разнорѣчивыхъ слуховъ о намѣреніяхъ правительства, касающихся созыва государственной Думы, послѣднее время

стали появляться слухи явно ложные и направленные лишь къ возбужденію среди благомыслящей части населенія недоумѣнія къ дѣйствіямъ правительства. Особенно упорнымъ является слухъ о томъ, что пожеланіе для государственной думы въ таврическомъ дворцѣ «средѣ умышленно» выбрано вблизи дома предварительнаго заключенія, гдѣ якобы уже приготовлены помѣщенія для будущихъ народныхъ представителей. Не желая дѣлательно распространяться слухъ о перенесеніи канцеляріи по дѣламъ государственной думы въ помѣщеніе канцелярскаго управленія вблизи таврическаго дворца, на Тверской улицѣ. Мы уполномочены заявить, что въ вопросѣ о таковой реорганизациіи дѣла созыва государственной думы еще не обсуждался въ комитетѣ министровъ, и что потому подобныя слухи являются въ настоящее время преждевременными.

Адмиралъ узрѣлъ у береговъ Англіи флотилію японцевъ, по которой и открылъ огонь. Ядра попали частью въ лодки англійскихъ рыбаковъ, и частью въ суда русской эскадры, послѣ чего видѣнія С. П. Рождественскаго исчезло.

Второе видѣніе было около острова Цусима. Здѣсь адмиралъ узрѣлъ портъ Вей-Хай-Вей и въ немъ англійскій флотъ. Къ зрительному феномену прибавилось слуховое: адмиралъ явно услышалъ гласъ съ неба, сказавшій: — Сие есть британскій флотъ и если японцы не одолѣютъ русскихъ, то флотъ сей британскій набросится на тя.

Затѣмъ все исчезло, но адмиралъ все запомнилъ и записалъ и въ «Новомъ Времени» гласности предалъ. Морской министръ показаніе подтвердилъ подписью своею: «хотя я самъ ничего не видѣлъ, не слышалъ и не знаю, все же вѣрность удостоверяю. Вирялевъ».

Изъ Англіи сообщили, что изъ флота въ Вей-Хай-Вей совѣсть не было... Графы Витте и Ламздорфъ 24 часа простояли въ отчаяніи, поднимая руки къ небу, повторяя: — Срамъ!.. срамъ!.. срамъ!..

S.

Объявленія:

Продажа овса не дурного качества въ эконіи Дурново. Заказы исполняются немедленно *).

*) Редакція за добросовѣстностью овса, конечно, не ручается.

Редакторы: К. И. Диксонъ.
Н. Н. Герардовъ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъячская, 39.